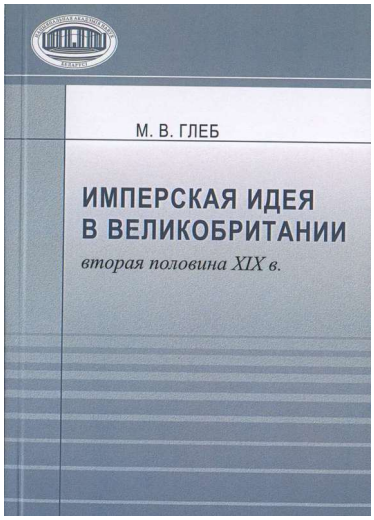
М. В. ГЛЕБ
ИМПЕРСКАЯ ИДЕЯ
В ВЕЛИКОБРИТАНИИ
вторая половина XIX в.

Марина Владимировна Глеб

Имперская идея в Великобритании (вторая половина XIX в.)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7073626
Имперская идея в Великобритании (вторая половина XIX в.) / М. В. Глеб.: Белорусская наука; Минск; 2007
ISBN 978-985-08-0884-4

Аннотация

В исследовании дается характеристика процесса развития имперской идеи в Великобритании во второй половине XIX в., исходя из выделения ее основных аспектов – экономического, политического, культурологического. Определяется влияние изменений во внутриполитическом развитии Великобритании и положении страны в системе международных отношений на формирование образа империи.

Предназначена для историков, политологов, специалистов по международным отношениям, всех, кто интересуется историей империй.

Содержание

Введение 5
Глава 1 15
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Марина Владимировна Глеб
Имперская идея в Великобритании (вторая половина XIX в.)

Научный редактор:
кандидат исторических наук, доцент А. В. Тихомиров

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор Г. А. Космач;
кандидат исторических наук М. К. Кошелев;
кандидат исторических наук, доцент В. В. Фрольцов

Введение

В начале XXI в. в научном сообществе сохраняется интерес к проблемам, связанным с изучением закономерностей функционирования и историей существования империй. Определенный «имперский ренессанс», рост интереса к имперской проблематике затронул и постсоветскую историческую науку, где увеличивается число исследований, посвященных феномену империализма – ведущей тенденции развития индустриального общества на рубеже XIX–XX вв. Все чаще исследователи обращаются к изучению империй, к анализу имперской политической культуры. Проводимые в настоящее время исследования затрагивают фундаментальные вопросы функционирования империй как систем, и особенности имперских государств, известных мировой истории. Появляются и работы, посвященные идейным основам британского империализма. Однако в большинстве случаев предметом исследования становились разработки отдельных имперских идеологов либо изучение подходов основных британских политических партий к имперской проблематике.

В постсоветской исторической науке до сих пор не предпринимались попытки изучения динамики развития имперской идеи в Великобритании на протяжении второй половины XIX в. Тем не менее можно отметить несомненную актуальность изучения британской имперской идеи данного периода, поскольку в ней нашли отражение проблемы и концепции, по сей день остающиеся дискуссионными. В частности, в период активных дебатов о путях экономического объединения империи в последние десятилетия XIX в., центральным оказался вопрос о роли и допустимой степени вмешательства государства в экономическую активность его граждан. В результате в британской имперской идее отразился постепенный переход от либеральной концепции «государства – ночного сторожа» к новым принципам, позднее оформившимся в концепцию «государства благоденствия». Имперские идеологи одними из первых начали разрабатывать проекты межгосударственной интеграции, предусматривавшие объединение народов, имевших схожие государственные структуры, систему социальной стратификации и культурно-языковые традиции. В то же время политические лидеры и общественные деятели Великобритании формулировали свой ответ на вопрос о путях дальнейшего развития стран «третьего мира», о возможности полной трансформации их политического и общественного уклада по западной модели. Опыт стран, получивших независимость от Великобритании и избравших различные модели взаимоотношения с бывшей метрополией, может представлять определенный интерес для новых суверенных государств, образовавшихся после распада СССР и формирующих новую национальную идентичность и внешнеполитические ориентиры.

Современные тенденции развития международных отношений дают основания для того, чтобы выделять очередную стадию развития имперской политики индустриальных лидеров в новейшее время. В начале XXI в. ряд ученых и политических деятелей заявляет о появлении новой империи во главе с Соединенными Штатами Америки, стремящимися к достижению мирового господства, унилатеральным действиям в решении важнейших вопросов войны и мира. Несмотря на отрицание самими американскими политиками имперского характера своей внешней политики, идея распространения западных ценностей и политического устройства по всему миру вполне аналогична концепции «бремени белого человека», воспетой в конце XIX в. британским поэтом Р. Киплингом.

Обсуждение идеи развития России по имперскому пути стало свойственно и для части российских политиков и политологов в начале XXI в. Во время выступления в Санкт-Петербургском государственном инженерно-экономическом университете «Миссия России» 25 сентября 2003 г. известный политический деятель Российской Федерации А. Б. Чубайс заявил: «Я считаю, что идеология России – и я глубоко в этом убежден – на всю обозри-

мую историческую перспективу должна стать идеологией либерального империализма, а целью Российского государства должно стать построение либеральной империи»[1]. Широкий резонанс, вызванный данным заявлением, подтверждают десятки публикаций в российской прессе, посвященных обсуждению концепции «либеральной империи».

Таким образом, в XXI в. проблема империализма не только не утратила своей актуальности, но и переместилась в ряд наиболее дискуссионных и злободневных.

Британская империя являлась самой обширной империей, известной мировой истории. В 1897 г. под ее властью находилось 11 кв. миль и 372 млн человек: одна четверть поверхности земного шара и четверть всего населения планеты. Колониальные владения стали одним из важнейших источников первоначального накопления капитала и промышленной революции XVIII в., основой для последующего динамичного развития экономики Британских островов. Первой британской колонией стал остров Ньюфаундленд (1583 г.), а в последние десятилетия XVI в. англичане предпринимали неоднократные попытки основать постоянные поселения как в Северной, так и в Южной Америке. Попытки увенчались успехом в первой половине XVII в. в значительной мере за счет переселения на территорию Северной Америки больших групп британских пуритан, подвергавшихся на родине дискриминации. Важнейшей вехой в колониальной истории Великобритании стало основание в 1600 г. Ост-Индской компании. Созданная первоначально для торговли с Индией, в дальнейшем компания стала осуществлять и непосредственное руководство переходившими под британский контроль территориями.

Соперничеством с Францией за преобладание в военно-морской и колониальной сферах в значительной мере определялась история Англии в XVIII в. Основными зонами конфликта между двумя великими державами являлись Северная Америка и Индия. В 1750 – начале 1760-х гг. Франция потерпела ряд принципиальных поражений, результатом которых стало полное преобладание британцев как на североамериканских, так и индийских территориях. Однако десятилетием позже Британская империя оказалась в серьезном кризисе, вызванном отделением 13 североамериканских колоний и войной за независимость. В 1783 г. Великобритания признала независимость Соединенных Штатов Америки.

В конце XVIII – начале XIX в. в состав Британской империи входили сообщества, стоявшие на различных уровнях развития. В таких колониях, как Канада, Гибралтар, Багамские острова, Вест-Индия, значительная часть населения имела европейское происхождение и сохраняла христианскую веру, поддерживались традиции самоуправления. В Индии, на Золотом Берегу и в Сьерра-Леоне англичане находились в меньшинстве среди местного населения, придерживавшегося традиционных жизненных укладов. На рубеже XVIII–XIX вв. Британская империя начала увеличиваться за счет азиатских и африканских территорий, что требовало поиска иных путей управления, эксплуатации, защиты новоприобретенных владений.

Однако действительно беспрецедентным расширение границ Британской империи стало во второй половине XIX в. Египет, Бирма, южноафриканские колонии Наталь и Трансвааль, восточноафриканские Кения, Занзибар и Уганда, Нигерия в Западной Африке – это лишь часть новых колониальных владений, присоединенных в данный период. Территориальный рост империи происходил одновременно с увеличением области экономического влияния Англии в странах Азии, Африки и Латинской Америки, так называемой «неформальной империей». На рубеже XIX–XX вв. Британская империя действительно стала представлять собой мировое государство, над владениями которого никогда не заходило солнце.

---

[1] Миссия России: выступление А. Б. Чубайса в Санкт-Петербургском государственном инженерно-экономическом университете // Сайт А. Б. Чубайса [Электронный ресурс]. 25.09.2003. Режим доступа: http://www.chubais.ru/cgi-bin/cms/personal.cgi?news=00000000048. Дата доступа: 10.02.2006.

Периодом наиболее активного расширения границ Британской империи стала так называемая викторианская эпоха, время правления королевы Виктории (1837–1901 гг.). Термин «Британская империя» прочно вошел в употребление после официального провозглашения Виктории императрицей Индии в 1876 г. Следует отметить, что во второй половине XIX в. империя включала в себя разнообразные типы колониальных владений. Традиционно они подразделялись на 2 большие группы. К 1-й относились переселенческие колонии – Канада, Австралия, Новая Зеландия, Капская колония и Наталь в Южной Африке. Эти государства, в значительной мере заселенные европейцами, во второй половине XIX в. получили право на самоуправление и в официальных документах именовались самоуправляющимися или переселенческими. Во 2-ю группу входили колониальные владения, где управление небританским населением осуществлялось непосредственно чиновниками метрополии. Насчитывалось около 50 колоний этого типа, традиционно именовавшихся коронными – Гонконг, Фиджи, Сьерра-Леоне и т. д. Крупнейшей колонией такого типа являлась Индия, формально вошедшая в состав Британской империи в 1858 г. Однако она традиционно занимала особое положение в системе империи, ее проблемы рассматривались отдельно, и с 1858 г. находились в ведении министерства по делам Индии. Ко 2-й группе примыкали также британские протектораты, в которых влияние Великобритании осуществлялось путем контроля над внешней и отчасти внутренней политикой формально независимых государств. Следует сразу же оговориться, что в последующих главах работы в отношении переселенческих, самоуправляющихся колоний будет применяться также термин «белая империя», коронных колоний и протекторатов – «зависимая империя».

Подобный подход является устоявшейся традицией как в зарубежной, так и в российской историографии.

Таким образом, вторая половина XIX в. являлась одним из важнейших этапов формирования структуры Британской империи. Соответственно постоянно вносились корректировки и в имперскую идею, которая содержала в себе обобщенные представления об истории, современном развитии и будущем империи, ценности, идеалы и программы поведения, необходимые для формирования имперского сознания. Как любая идеология, имперская идея предназначалась для целевой и идейной ориентации членов британского общества.

Хронологические рамки данного исследования – это период 1846–1900 гг. Выбор исходного рубежа связан с введением в Великобритании свободной торговли, что обусловило значительные изменения во внутренней, внешней и колониальной политике Великобритании. Конечный рубеж соотнесен с развертыванием англо-бурской войны 1899–1902 гг., одним из результатов которой стало переосмысление и существенная трансформация имперской идеи.

Данное исследование посвящено анализу всего комплекса британской имперской идеи второй половины XIX в., определению идейных истоков широкой колониальной экспансии и внешней политики страны в этот период. С учетом реалий исторической ситуации в разные периоды английской истории прослеживается динамика изменений в представлениях ведущих политиков и идеологов, всего британского общества о настоящем и прошлом империи, перспективах ее развития. Особое внимание направлено на определение и анализ традиций, сохранившихся в имперской идее на протяжении всего периода. Целью данной работы является анализ содержания британской имперской идеи, движущих сил и основных форм ее распространения во второй половине XIX в. В связи с этим были поставлены следующие задачи: выявление социально-экономических и политических предпосылок, оказавших влияние на эволюцию британской имперской идеи рассматриваемого периода; сопоставление различных концепций развития имперской экономики, существовавших во второй половине XIX в.; анализ основных этапов развития и распространения идеи имперской федерации в 1846–1900 гг.; характеристика основных подходов к решению проблемы политического

устройства зависимых от Великобритании территорий; определение позиций британских государственных деятелей и политических партий в вопросе о территориальной экспансии Британской империи на протяжении второй половины XIX в.; исследование средств распространения имперской идеи в британском обществе во второй половине XIX в.

В исследовании определены основные черты образа империи, сформировавшегося в общественном сознании британцев. Проблема определения понятия «империя» остается актуальной и в настоящее время. В данной работе при определении имперского государства автор исходит из ряда основополагающих характеристик, которыми должно обладать имперское государство. Это наличие обширной территории, включающей гетерогенные этнонациональные и административно-территориальные образования; централизованной власти и универсальной идеи. В то же время данное исследование не претендует на создание законченной модели империи, а лишь на изучение ее важнейшей части – имперской идеи.

На рубеже XIX–XX вв., когда империализм стал важнейшим фактором жизни страны. В настоящее время в авторитетной Энциклопедии Британника империализм определяется как «государственная политика, практика или пропаганда расширения власти и владений, в особенности путем прямых территориальных приобретений, либо посредством установления политического и экономического контроля над другими районами»[2]. Следует оговориться, что в следующих главах работы автор исходит из данного определения империализма.

Исследование проведено, исходя из условного выделения экономического, политического и культурологического аспектов имперской идеи. Имперская идея представляется как сложный комплекс, отдельные составные части которого подвергались изменениям в разное время и в различной степени. Особое внимание обращается на анализ концепций экономического характера, в теоретическом виде отражавших быстрый рост потребности индустриального общества в экспансии. В то же время рассматриваются отдельные элементы имперской идеи, военно– стратегического и религиозно-этического характера, практически не претерпевшие изменений на протяжении второй половины XIX в. Данный подход позволил более четко проследить процессы обновления отдельных элементов имперской идеи, обнаружить преемственность и новообразования в ходе развития различных аспектов имперской идеи, продемонстрировать взаимосвязь между глубинными процессами развития различных сфер жизни страны и изменениями идеи империи, определить роль и место империи в жизни британского общества.

Исследования, посвященные различным аспектам истории Британской империи, образуют огромный массив зарубежной историографии XX в. Тщательно анализировались мотивы и движущие силы колониальной экспансии Великобритании в XVII–XX вв., деятельность правительств и государственных чиновников метрополии и колониальной периферии, взаимоотношения Великобритании с различными странами, входившими в состав империи. Особый интерес у историков вызывали последние десятилетия XIX в. и первые декады XX в. – кульминационный этап развития Британской империи, апогей ее мощи. Следует отметить, что такое направление исследований отчасти было обусловлено одной из основных концепций англо-американской историографии первой половины XX в., в соответствии с которой общепринятым являлось подразделение истории Британской империи во второй половине XIX в. на 2 этапа. Середина XIX в. определялась как эпоха либеральной антиэкспансионистской колониальной политики. 1870—1900-е гг. рассматривались как период «нового империализма», основными чертами которого являлось форсированное расширение территории империи и широкое распространение имперской идеи в общественном

[2] Imperialism // The Encyclopedia Britannica Online [Electronic re-sourse]. Mode of access: http://www.britannica.com/eb/article-9042213/ imperialism. Date of access: 25.03.2002.

сознании британцев. В результате исследователи империализма ограничивались изучением лишь периода «нового империализма», значительно сужая временные рамки данного феномена мировой истории. Несмотря на то что подобный подход был оспорен многими учеными, вопрос о правомерности выделения «нового империализма» последней трети XIX в. как качественно нового этапа в истории Британской империи по-прежнему предоставляет почву для дискуссий.

Традиция выделения 1870-х гг. как определенного рубежа между двумя периодами британской имперской политики была заложена уже в начале XX в. в первых комплексных исследованиях имперской истории. В этом аспекте показательным являются труды авторитетного историка Х. Эджертона, который с 1905 по 1927 г. возглавлял кафедру истории английской колониальной политики в Оксфорде. В «Краткой истории британской колониальной политики» (1897 г.) Эджертон рассматривал деятельность либеральных кабинетов 1860—1870-х гг. как направленную на увеличение степени самостоятельности британских колоний и в конечном счете на их окончательное отделение от метрополии[3]. Как отметил исследователь, рассмотрение колониальных проблем в середине XIX в. проходило на основе аргументации экономического характера, которая со всей очевидностью демонстрировала незначительность роли колоний во внешней торговле страны и постоянный рост средств, выделяемых Великобританией на их управление, оборону и развитие. В сущности, заключил Х. Эджертон, в среде британской политической элиты в 1850—1860-х гг. доминировали сепаратистские и антиэкспансионистские настроения[4]. Однако, начиная с 1870-х гг. либеральные принципы стали подвергаться все более масштабной критике, негативизм уступал место преклонению перед имперским идеалом, а экспансионизм стал характеризовать колониальную политику британских кабинетов.

Сделанный Х. Эджертоном вывод о кардинальном отличии имперской политики Великобритании в последние десятилетия XIX в. от деятельности либеральных кабинетов середины столетия в том или ином виде присутствует в многочисленных исследованиях по имперской истории, изданных в первой половине XX в. Соответствующие концепции были закреплены в официальных «Кембриджской истории нового времени» и «Оксфордской истории Англии»[5]. Идея о доминировании «сепаратистских» настроений в середине XIX в., об антиимперских взглядах либеральных идеологов данного периода в том или ином виде разрабатывалась такими исследователями, как Д. Уилльямсон, Д. Мэрриотт, А. Ньютон, Л. Вулф, Б. Уилльямс[6]. Соответственно, период 1850—1860-х гг. в истории Британской империи традиционно обозначался как эпоха «антиимпериализма».

Классическим трудом, основанным на концепции «антиимпериализма» 1850—1860-х гг., является исследование американского ученого Р. Скайлера «Падение старой колониальной системы» (1945 г.)[7]. Р. Скайлер определил 1860-е гг. как «критический период» в британской имперской истории. По мнению исследователя, именно тогда сепаратистские настроения в Англии достигли своего пика[8].

---

[3] Egerton H. E. A. A Short History of British Colonial Policy. London: Methuen & Co, 1897.

[4] Там же. P. 367.

[5] The Cambridge Modern History: In 12 vol. Cambridge: University Press, 1910–1911. Vol. 12: The Latest Age; Ensor R. C. K. England 1870–1914. Oxford: University Press, 1936; Woodward E. L. The Age of Reform, 1815–1870. Oxford: Clarendon Press, 1938; Cambridge History of the British Empire: In 8 vol. Cambridge: University Press, 1929–1943. Vol. 2: Growth of the New Empire.

[6] Williamson J. A. Great Britain and the Empire. London: Adam & Charles Black, 1944; Marriott J. A. R. Modern England (1885–1932): A History of My Own Times. London: Methuen & Co, 1934; Newton A. P. A Hundred Years of the British Empire. London: Methuen & Co, 1942; Woolf L. Economic Imperialism. London: The Swarthmore Press Ltd., 1921; Woolf L. Empire and Commerce in Africa. London: Allen & Unwin, s.d.; Williams B. The British Empire. London: Butterworth, 1937.

[7] Schuyler R. A. The Fall of the Old Colonial System. Oxford: University Press, 1945.

[8] Там же. P. 245.

Либеральные правительства отказывались проводить дальнейшее расширение империи и стремились стимулировать процесс отделения переселенческих колоний. Однако под воздействием ряда политических и экономических факторов в первую очередь интеграционных процессов в Европе, уже в 1870-х гг. в колониальной политике Великобритании начинает преобладать консоли-дационистское направление, происходит отказ от либеральных концепций.

Только с середины 1960-х гг. ряд исследователей начал отстаивать идею преемственности имперской политики Великобритании на протяжении всего изучаемого периода. В исследованиях кембриджских историков Р. Робинсона и Д. Галлахера была подвергнута кардинальному пересмотру концепция об антиэкспансионизме в политической мысли Великобритании в 1850—1860-х гг.[9] Ученые привели многочисленные факты, доказывавшие, что процесс территориальных захватов продолжался на протяжении всего столетия вне зависимости от партийной принадлежности членов британского кабинета. Одним из важнейших выводов Р. Робинсона и Д. Галлахера стал тезис о преемственности (континуитете) британской имперской политики на протяжении второй половины XIX в., о невозможности деления на антиэкспансионистскую Англию 1850—1860-х гг. и империалистическую, начиная с 1870 г. Появление теории континуитета вызвало бурные дискуссии в научном сообществе, обусловило существование плюрализма в выборе подходов к исследованию истории Британской империи, имперской идеи и политики. Научные открытия, сделанные кембриджскими историками, оказали значительное влияние на последующие исследования проблемы. Ряд британских исследователей продолжает разработку теории континуитета. Так, английский историк Э. Грирсон в своем исследовании доказывал преемственность политики правящих кругов Великобритании по отношению к Индии, считавшейся основой имперского здания на всем протяжении существования Британской империи[10]. На многочисленных примерах ученый продемонстрировал экспансионизм британской политики середины XIX в. Автор отмечал, что идеология и политика либеральных кабинетов в этот период не являлись антиимпериалистическими и по своим целям[11].

Обоснованию тезисов о преемственности и оборонительном характере британской колониальной политики посвятил свое исследование «Империалисты поневоле» американский исследователь С. Лоу[12]. По мнению автора, на проведение колониальных захватов британский кабинет шел лишь в крайних случаях, если избежать нарушения британских интересов было невозможно. В связи с этим историк акцентирует значение стратегических концепций, в частности идеи обороны Индии, обуславливавшей всю британскую политику в регионе. Весомым доказательством позиции автора служит обширная подборка документов, размещенная во втором томе издания.

До настоящего времени теория континуитета остается предметом дискуссий в научном сообществе. Некоторые исследователи продолжают придерживаться принятой в начале XX в. периодизации имперской истории. Известный исследователь Дж. Грэхем в своем труде «Краткая история Британской империи» подчеркивал нежелание правящих кругов Великобритании в середине XIX в. форсировать процесс расширения империи[13]. Пойти по пути колониальных захватов в последние десятилетия XIX в. британский кабинет вынуждало, по мнению исследователя, соперничество с европейскими державами, нежелательное вовлечение в «схватку за Африку». Вместе с тем автор признавал значительную популяр-

[9] Gallacher I, Robinson R. The Imperialism of Free Trade // Economic History Review. 1953. Is. VI. P. 1—15.

[10] Grierson Ed. The Death of the Imperial Dream: The British Commonwealth and Empire 1775–1969. London: Collins, 1972.

[11] Там же. P. 68.

[12] Lowe C. J. The Reluctant Imperialists: In 2 vol. London: Routledge & K. Paul, 1967. Vol. 1.

[13] Graham G. S. A Concise History of the British Empire. London: Thames & Hudson, 1972.

ность экспансионистских лозунгов в британском обществе, распространение чувства гордости «имперским предназначением» Великобритании. «Массы, получившие избирательное право, ждали решительных действий», – так исследователь объясняет широкую поддержку имперской идеи и политики в конце XIX в.[14]

Концепция континуитета имперской политики Великобритании рассматривалась британскими историками Р. Хаемом и Г. Мартином в одной из статей сборника «Переоценка британской имперской истории»[15]. Исследователи обратили внимание на необходимость изучения имперской идеи на основе социокультурных особенностей эпохи, на интерпретацию источников в соответствии с представлениями викторианского общества. Ученые доказали, что исследователи имперской истории нередко допускают необоснованную модернизацию терминов политического словаря XIX в., и это нередко искажает понимание важнейших концепций политической мысли данного периода. Однако авторы не распространили свой анализ на последние десятилетия XIX в. и не высказали своей интерпретации имперской идеи этого периода.

Значительный вклад в имперский дискурс в начале XXI в. внес оксфордский профессор Н. Фергюссон, опубликовавший в 2003 г. труд под названием «Империя. Как Британия создала современный мир»[16]. Свое внимание автор заострил на интерпретации истории Британской империи посредством анализа движущих сил ее развития, расширения и консолидации в различные исторические эпохи, а именно деятельности миссионеров, предпринимателей, чиновников и военных в процессе формирования имперских структур. Основным мотивом, стимулировавшим колониальную экспансию и ставшим доминантным в имперской идее, по мнению исследователя, была идея свободы[17].

Символичным, однако, является общий настрой труда ученого, стремившегося подчеркнуть все те положительные стороны, которые имело британское владычество над колониальными территориями, ту роль, которую сыграла Британская империя в Первой и Второй мировых войнах. Острые дискуссии вызвало также и заключительное обращение Фергюссона к проблеме нового империализма и новой имперской державы – Соединенных Штатов Америки, – которая «приняла на себя ответственность не только в войне с терроризмом и враждебными государствами, но и по распространению благ капитализма и демократии по всему миру»[18].

Определенный интерес у советских исследователей вызывала проблема формирования колониальной политики и идеологии. Изучению идеологии британского империализма XIX в. были посвящены труды советских историков Г. И. Лоцмановой и Н. А. Ерофеева[19]. Ряд работ, в которых британская колониальная экспансия последней трети XIX – начала XX в. была впервые представлена как целостное явление в экономической, политической и идеологической областях, был создан саратовским исследователем И. Д. Парфеновым[20]. В 1990-х гг. в российской историографии появляются труды, посвященные различным аспектам британской имперской истории. Колониальная политика либеральной партии, доминировавшей в британской политической жизни в 1850—1860-х гг., рассмотрена в монографии

---

[14] Graham G. S. Op. cit. P. 181.

[15] Hyam R., Martin G. Reappraisals in British Imperial History. Toronto: Macmillan of Canada, 1975.

[16] Ferguson N. Empire. How Britain Made the Modern World. London: Penguin Books, 2004.

[17] Ferguson N. Op. cit. P. XXIII.

[18] Ferguson N. Op. cit. P. XXIII. P. 380.

[19] Лоцманова Г. И. Из истории формирования колониальной идеологии английского империализма// Вопросы истории. 1963. № 2. С. 102–112; Ерофеев Н. А. Английский колониализм в середине XIX века. М., 1977; Ерофеев Н. А. Очерки по истории Англии 1815–1917. М., 1959.

[20] Парфенов Д. И. Англия и раздел мира в последней трети XIX века. Саратов, 1978; Парфенов И. Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века. М., 1991; Парфенов И. Д. Монополия и империя. Саратов, 1980.

М. П. Айзенштат и Т. Н. Гелла[21]. Авторы пришли к выводу о том, что в середине XIX в. имперская политика являлась отражением программы реформ либерального правительства и проходила под сильным влиянием личности премьер-министра У. Гладстона.

Ретроспективе идейных поисков и дискуссий по проблеме имперской федерации в последней трети XIX – начале XX в. посвятил свой труд В. В. Грудзинский[22]. Автор проанализировал историю формирования и развития федералистских идей в конце XIX в. Тем не менее в центре его внимания находится практическая деятельность британских политиков по ее реализации.

Имперская идея в Великобритании в 1870—1880-х гг. – тема монографии С. А. Богомолова[23]. Главным направлением его исследования стало рассмотрение элитарной версии имперской идеи, представленной в трудах трех писателей и общественных деятелей конца XIX в. – Д. Фруда, Д. Сили и Ч. Дилка. Автором даны подробные описания их жизненного и творческого пути, охарактеризованы особенности их подходов к решению проблем империи. С. А. Богомолов затронул и тему распространения массовой версии имперской идеи, хотя основное внимание посвятил выявлению сочетания имперской и национальной идей. Однако в монографии практически не получил освещения наиболее важный для жителей викторианской Англии вопрос о путях развития имперской экономики, дискуссии между протекционистами и фритредерами, вызывавшие значительный общественный резонанс. Автор сконцентрировал свое внимание на анализе актуальной публицистики, практически не отразив позиции ведущих политических партий, отдельных политических групп и общественных организаций в имперских вопросах.

В целом следует отметить, что в зарубежной и российской историографии был накоплен значительный фактический материал, поставлены и рассмотрены проблемы, связанные с различными аспектами истории развития британской имперской идеологии. Тем не менее сохраняется необходимость создания цельной картины эволюции имперской идеи во второй половине XIX в. с учетом социальных, политических, культурных контекстов ее существования.

Учитывается субъективный характер имперской идеи как мысленного конструкта, что обусловило значительное внимание, уделяемое исследованию разнообразных форм ее распространения на разных уровнях общественного сознания. В связи с этим в основу данной работы положена широкая источниковая база, позволяющая изучить не только систематизированные элементы имперской идеи (научные, политические, экономические концепции), но и область обыденного сознания (систему ценностей, верования, символы и т. д.). Источники настоящего исследования можно подразделить на следующие группы: отчеты о заседаниях британского парламента, дипломатические документы, выступления политических и общественных деятелей, периодическая печать, научные и публицистические произведения второй половины XIX в., эпистолярное и мемуарное наследие, литературно-художественные произведения.

Большое значение представляют официальные полные отчеты о прениях в обеих палатах британского парламента – «Парламентские отчеты Хэнсарда». В то же время материалы о важнейших вопросах, поднимавшихся в течение парламентских сессий предоставляет ежегодник «Энньюэл Реджистер» («Annual Register»), выходивший с 1759 г. Дипломатические документы представлены перепиской между министром иностранных дел в Лондоне и посланниками в различных странах, представителями администрации колоний, а также

[21] Айзенштат М. П., Гелла Т. Н. Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX веке (1815 – середина 1870-х гг.).М.: ИВИ РАН, 1999.

[22] Грудзинский В. В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX в.). Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1996.

[23] Богомолов С. А. Имперская идея в Великобритании в 70—80-е годы XIX века. Ульяновск.: УлГу, 2000.

отчеты о различного рода миссиях за границей. Были использованы такие сборники опубликованных документов, как «Британские документы о происхождении войны»[24], «Основания британской внешней политики»[25], «Английские исторические документы»[26], а также материалы, размещенные во втором томе исследования американского ученого С. Лоу «Империалисты поневоле»[27].

Выступления представителей либеральной и консервативной партий служили путеводной нитью в понимании происходящих процессов и событий для сторонников того или иного политического курса. Подобные выступления регулярно печатались в центральной прессе, наиболее важные из них были выпущены отдельными сборниками, такими как «Британские исторические и политические выступления»[28], «Избранные речи по британской колониальной политике»[29], отдельные речи ведущих британских политиков и государственных деятелей[30]. Весьма важным источником для изучения эволюции имперской идеи являются научные и публицистические труды современников и участников происходящих событий. Необходимо выделить и ряд произведений, ставших основаниями для разработки имперской идеологии. Труды Ч. Дилка[31], Д. Сили[32], Д. Фруда[33], С. Уилкинсона[34], А. Милнера[35] оказали наибольшее влияние на идейные поиски современников.

Мемуарная литература и эпистолярное наследие современников позволяют воссоздать духовную ситуацию эпохи, пролить свет на процесс формирования отдельных идей, на дискуссии по имперским вопросам. Среди особенно информативных источников следует выделить «Письма королевы Виктории», содержащие значительное количество официальной переписки членов кабинета и представителей политической элиты; публикации писем британских премьер-министров (в частности, Б. Дизраэли[36]).

Литературно-художественные произведения являлись одной из наиболее распространенных форм трансляции идеологии в общество. Произведения многих британских писателей последних десятилетий XIX в. содержали в себе отдельные элементы имперской идеологии в образах, понятных широким массам. В этом аспекте наиболее информативными являются произведения, относящиеся к жанру «литературы приключений» (Р. Киплинг, Р. Хаггард[37]), а также воспоминания путешественников (Г. М. Стэнли, М. Таунсенд, М. Кинг-

---

[24] British Documents on the Origins of the War, 1898–1914: In 8 vol. London: His Majesty's Stationery Office, 1927.

[25] Foundations of British Foreign Policy from Pitt (1972) to Salisbury (1902) or Documents, Old and New. Cambridge: University Press, 1938.

[26] English Historical Documents: In 12 vol. London; New York:Macmillan, 1979–1981.

[27] Lowe C. J. The Reluctant Imperialists. London: Routledge & K. Paul,1967. Vol. 2.

[28] British Historical and Political Orations from the 12th to the 20th Century. London: J. M. Dent & Sons Ltd.; New York: E. P. Dutton & CoInc., 1937.

[29] Selected Speeches and Documents on British Colonial Policy 1763–1917: In 2 vol / Ed. by A. B. Keith. Oxford: University Press, 1918.

[30] Radical Tory: Disraeli's Political Development. London, 1937; J. Bright. Selected Speeches. London; New York: J. M. Dent, 1926; Macaulay, Prose and Poetry, selected by G. M. Young. Cambridge: Harvard University Press, 1957.

[31] Dilke Ch. W. Problems of Greater Britain. London: Macmillan & Co, 1890; Dilke Ch. W. The British Empire. London: Chatto & Windus, 1899.

[32] Seeley J. R. The Expansion of England. London; New York: Macmillan & Co, 1902.

[33] Froude J. A. Life of the Earl of Beaconsfleld. London: J. M. Dent, 1931.

[34] Wilkinson S. The Nation's Awakening. Westminster: Archibald Constable & Co, 1896.

[35] Milner A. England in Egypt. London: Edward Arnold, 1899.

[36] Letters of Queen Victoria. A Selection from Her Majesty's Correspondence and Journal between the years 1862 and 1885. London, 1926–1928. Vol. 1–3; Letters of Queen Victoria. A Selection from Her Majesty's Correspondence and Journal between the years 1886 and 1901. London, 1926–1928. Vol. 1–3; Letters of Benjamin Disraeli to Lady Bradford and Lady Chesterfield. London, 1929. Vol. 1–2.

[37] Kipling R. The Works of R. Kipling: One Volume Edition. New York: Doubleday, 1953; Haggard R. Heart of the World. London: Hodder & Stoughton, 1898.

сли, У. Черчилль[38]), демонстрирующие восприятие жителями викторианской Англии различных сторон жизни народов Азии и Африки.

Британская пресса второй половины XIX в. стала одним из наиболее эффективных средств формирования общественного мнения. Испытывая сильное влияние со стороны заинтересованных в колониальной экспансии групп, печать становилась рупором мнений правительства или отдельных групп политической и экономической элиты. В этом аспекте весьма полезным оказывается изучение материалов газеты «Таймс», являвшейся выразителем правительственного мнения в последние десятилетия XIX в., журналов «Девятнадцатое столетие» и «Панч» (реагировавшего на политические события сатирическими статьями и карикатурами).

Не претендуя на полную и всестороннюю реконструкцию британской имперской идеи во второй половине XIX в., автор выражает надежду на то, что данное исследование окажется полезным для изучения феномена империализма как комплексного явления в единстве его экономического, политического, военно-стратегического и идеологического аспектов, поспособствует более глубокому изучению британской имперской политики в 1850–1900-х гг.

* * *

Автор выражает благодарность сотрудникам Национальной Академии наук Беларуси, Белорусского государственного университета, Международного гуманитарно-экономического института, своей семье, всем тем, кто оказывал помощь и поддержку в работе над данной книгой.

[38] Stanley H. M. In Darkest Africa. London: S. Low, 1890. Vol. 1–2; Townsend M. Asia and Europe. New York: G. T. Putham's Sons; London: A. Constable & Co Ltd., 1901; Kingsley M. Travels in West Africa (Congo Francais, Corisco and Cameroons). London: Macmillan & Co, 1897; Churchill W. S. The River War. London: Thomas Nelson & Sons, 1899.

Глава 1
Имперская экономика

В XVIII–XIX вв. важнейшим фактором, определявшим значимость британских колониальных владений для метрополии, была их экономическая ценность. Проблемы колоний рассматривались в рамках доктрин меркантилизма, предполагавших активную деятельность правительства Великобритании по оказанию всесторонней поддержки торгово-экономической активности ее подданных. Согласно концепциям позднего меркантилизма, государство становилось богаче с возрастанием разницы между вывезенными и ввезенными товарами. Конечной целью политики Великобритании в свете данных концепций являлось увеличение богатства нации, достижение самообеспечения, увеличение военной мощи. Эта цель достигалась за счет различных средств: защиты британских товаров от иностранной конкуренции, защиты британских фермеров – производителей пшеницы, увеличения количества торговых судов и использования преимуществ от обладания обширными колониальными владениями.

Меркантилистская теория рассматривала колонии как жизненно необходимый источник сырья и рынки сбыта. Торговля с колониями должна была оставаться в руках британцев, а сама империя в идеале должна была стать самообеспечивающимся сообществом. Достижению этой цели был подчинен ряд законопроектов, принятых в метрополии в XVII–XVIII вв. и известный в истории как Навигационные Акты. Согласно данным постановлениям запрещалось перевозить товары из Америки, Африки и Азии в какие-либо британские владения на иностранных судах. Навигационные акты требовали, чтобы корабли, осуществлявшие торговлю с британскими владениями, были построены в Англии, принадлежали британским подданным, управлялись английскими командорами, большинство членов их экипажа составляли англичане. Единственное исключение допускалось для самой метрополии, куда торгующие с ней государства могли привозить товары на собственных кораблях. Таким образом, вся прибыль от торговли с колониями оставалась в пределах внутриимперской зоны, а не оседала в карманах посредников.

Торговля, осуществлявшаяся британскими колониями, также регулировалась из метрополии. Существовала разветвленная сетка пошлин и тарифов, призванных стимулировать внутриимперские торговые отношения путем введения поощрительных пошлин либо прямых запретов. Для защиты собственных производителей от иностранной конкуренции в Великобритании в 1815 г. были приняты так называемые «хлебные законы», которые имели протекционисцкий характер и закрывали доступ иностранного зерна в Англию, если его цена на внутреннем рынке падала ниже 80 шиллингов за квартер (286, 26 литра). В результате цена на хлеб поддерживалась на неизменно высоком уровне, отвечавшем интересам британских лендлордов.

Таким образом, защита британской торговли и британских коммерческих интересов от конкурентов привела к установлению плотного контроля Великобритании над торговыми отношениями внутри империи и экономической политикой колоний.

Тем не менее промышленная революция XVIII в. и ускоренное развитие британской промышленности привели к появлению и распространению либеральных доктрин. В 1773 г. в Англии был опубликован эпохальный труд отца британского либерализма А. Смита «Богатство нации», развивавший идеи саморегулирующегося и свободного от государственного вмешательства рынка. Ограничения, налагавшиеся метрополией на колониальную торговлю, стали рассматриваться как факторы, способные лишь притормозить экономическое развитие Великобритании, а не способствовать ему. Британские либералы выступали с позиции защитников интересов промышленников и финансовой буржуазии, выдвигая лозунги

свободы предпринимательства, уменьшения государственных расходов, проведения дальнейшего реформирования политической системы страны. Широкую популярность приобрела идея свободной торговли (free trade), отмены всяческих протекционистских тарифов, с помощью которых государство регулировало торговлю между нациями. Одним из основных объектов критики британских фритредеров (сторонников свободной торговли) стали ограничения, существовавшие в торговле с британскими колониями. Постепенно набиравшее популярность в 1830-х гг., в последующее десятилетие либеральное движение закрепило за собой право определения внутри– и внешнеполитического курса Великобритании, а также ее колониальной политики.

Одним из результатов усиления либеральных настроений в британском политическом обществе стало проведение избирательной реформы 1832 г., подорвавшей монополию землевладельческой знати, чьи интересы в британском парламенте представляла партия тори, на политическую власть. Движение за отмену «хлебных законов», развернувшееся в 1820-х гг., стало одним из средств передачи экономической власти из рук землевладельцев предпринимательской элите. В 1846 г. лидером партии тори Р. Пилем был внесен на рассмотрение в парламент законопроект об отмене «хлебных законов», по существу означавший отказ от одной из важнейших основ протекционистского законодательства страны. Этот шаг был в значительной степени стимулирован объективными причинами – критической ситуацией в Ирландии, где вследствие неурожаев массы населения оказались под угрозой голодной смерти. Тем не менее для партии тори, основу которой составляли представители богатых землевладельческих семей Великобритании, внесение данного законопроекта оказалось одним из символов глубокого идейного кризиса и фактическим началом раскола партии. Последующие парламентские дебаты привели к отмене «хлебных законов», за что отдали свои голоса 104 представителя партии тори и 223 представителя партии вигов. Таким образом, парламентские дебаты 1846 г. привели к перестановке сил в партийной системе страны, ознаменовали кардинальные изменения в экономической политике Великобритании, и в конечном счете стимулировали формирование новых концепций взаимоотношений метрополии и ее колониальных владений.

В экономической сфере принятие либерализма и свободной торговли повлекло за собой существенное стимулирование экономического развития Великобритании. Первой воспользовавшись плодами промышленной революции конца XVIII в., Великобритания в середине XIX в. становится безусловным промышленным и торговым гегемоном. В 1850—1860-х гг. страна удерживала положение мирового промышленного лидера. Период 1858–1873 гг., характеризовавшийся беспрецедентным промышленным ростом и увеличением богатства страны, традиционно называют «великий викторианский расцвет»[39]. Ее товары доминировали на рынках американских и европейских стран. Крупнейший в мире британский торговый и военно-морской флот опирался на систему баз и станций по всему миру.

Вслед за отменой «хлебных законов» в Великобритании постепенно отменялись и другие меры протекционистского характера. Уверенность британских предпринимателей в идее свободной торговли демонстрирует и отмена в 1849 г. Навигационных актов. Эта мера открыла путь к развитию колониальной торговли и предоставила дополнительный стимул конкурентной борьбе европейцев за новые рынки сбыта. В то же время она демонстрировала полную уверенность британцев в своем доминировании над колониальной торговлей.

В политической системе Великобритании в 1830– 1870-х гг. парламентские группировки вигов и тори постепенно трансформировались в либеральную и консервативную партии соответственно. Ядро консервативной партии составили тори, решительно отказавшиеся в 1846 г. поддержать отмену «хлебных законов». Лидерами консерваторов в 1849 г.

[39] Christie O. E The Transition from Aristocracy, 1832–1876. London: Seeley, Service & Co Ltd., 1927. P. 255.

стали представитель одного из влиятельнейших аристократических семейств Великобритании лорд Э. Дерби и выходец из буржуазно-интеллигентской семьи Б. Дизраэли. Сложившееся двоевластие демонстрировало как стремление тори сохранить свое влияние на политическую систему стран, так и понимание необходимости реформирования с учетом требований времени. Именно Б. Дизраэли, один из ярчайших представителей британской политической мысли, смог заложить основы новой идеологии партии, реорганизовать консерваторов и привести их к власти, хотя процесс внутрипартийного реформирования и затянулся более чем на два десятилетия.

В 1846 г. Дизраэли выступил как ярый противник отмены «хлебных законов», благодаря чему на некоторое время приобрел имидж ярого реакционера. Отказ консерваторов во главе с Дерби и Дизраэли от поддержки протекционизма произошел уже в конце 1840-х гг., поскольку дальнейшая борьба была уже бессмысленной. Тем не менее период 1850—1860-х гг. стал кризисным временем для консерваторов. Их позиции ослабляло отсутствие четко выработанной концепции, консервативной идеологии, способной привлечь избирателя. В конце 1840 – начале 1850-х гг. партия по-прежнему использовала охранительную риторику, сохраняя имидж реакционной про-аристократической силы в обстановке, когда очевидным становилось усиление буржуазных слоев и необходимость учета их интересов. Лидеры партии были не в состоянии перехватить политическую инициативу, поэтому консервативные кабинеты, сформированные в 1852, 1858–1859 и 1866–1868 гг., были весьма ограничены в возможностях проводить какие-либо значительные решения. Наиболее значительной мерой, проведенной консервативной партией в этот период, стала очередная избирательная реформа 1867 г., что, наряду с активным формированием концептуальных основ партийной идеологии, позволило консерваторам стать доминирующей политической силой Великобритании последней трети XIX в.

На протяжении 14 лет из 24 в период с 1850 по 1874 гг. у власти находились представители либерального течения. Либеральная партия образовалась из группировок вигов и пилитов. Пилитами стали называть последователей торийского премьер-министра Р. Пиля, проведшего отмену «хлебных законов» и вышедшего из рядов собственной партии в знак протеста против мнения ее большинства. Идейным лидером либеральной партии на протяжении второй половины XIX в. являлся Уильям Гладстон. Получивший образование в Оксфорде и проявивший себя как блестящий оратор, он получил возможность поработать в правительственных структурах. В дебатах, посвященных «хлебным законам», Гладстон выступил однозначно с позиции свободной торговли, что и предопределило его постепенный переход в лагерь либеральной партии. В 1852–1858 и 1859–1866 гг. Гладстон занимал пост министра финансов в правительствах, возглавлявшихся соответственно лордом Абердином и лордом Пальмерстоном. Значительная часть его деятельности была посвящена реформированию, причем одной из важнейших своих задач Гладстон считал проведение новой избирательной реформы, которая позволила бы увеличить количество избирателей из рабочей среды. В середине XIX в. либеральные идеологи выдвигали программу реформ: последовательный и полный отказ от протекционизма, расширение избирательных прав, проведение миролюбивой внешней политики и изменений в имперской политике Великобритании.

Таким образом, либеральное реформирование 1830– 1840-х гг. обусловило начало периода существенных трансформаций партийно-политической структуры Великобритании. В 1850—1860-х гг. консерваторы, ослабленные расколом 1846 г. и оказавшиеся в положении постоянной оппозиции, были не в состоянии отстаивать собственные проекты. Их действия в данный период ограничивались в большинстве своем критикой либеральных правительств либо, как доказывает принятие Билля о реформе 1867 г., использованием конъюнктурных лозунгов и мероприятий для перехвата инициативы у другой партии. Таким образом,

представляется возможным отметить ведущую роль в политической жизни Великобритании 1850—1860-х гг. либеральных доктрин.

Если в первой половине XIX в. взаимоотношения Великобритании с колониальными владениями в экономической сфере характеризовались прежде всего системой преференций, позволявших поддержать колониальную торговлю, то борьба за свободную торговлю в метрополии с неизбежностью затронула и проблему реформирования внутриимперских экономических отношений. Результатом стал призыв к упразднению ряда пошлин на товары из зависимых стран. Британские предприниматели подчеркивали тяжесть расходов, которые были обязаны нести на благо колониальных производителей. «На протяжении долгих лет Вест-Индия представляет собой лишь убытки для промышленности этой страны; плата за товары, которые покупает эта колония, не покрывают и части той суммы, которую мы ежегодно отрываем от себя на их содержание», – такое заявление было сделано в ходе дискуссий об упразднении налога на импортировавшийся из Вест-Индии сахар в 1854 г.[40] В конце 1840-х гг. разрушение протекционистской системы положило начало проведению новой экономической политики в рамках империи. Протекционизм в отношении колониальных товаров был оценен как нежелательное бремя для экономики метрополии в целом и британских промышленников в частности.

Экономическая трансформация колониальных связей проходила под сильным влиянием фритредеров, естественным приоритетом для которых была торговля со всем миром без ограничения. Они надеялись на скорое принятие политики свободной торговли всеми европейскими государствами, в результате чего неограниченный доступ на европейские рынки минимизировал бы выгоды от относительно небольших по объему рынков имперских. Один из ведущих фритредеров, профессор современной истории в Оксфорде Г. Смит неоднократно подчеркивал в своих публикациях и книге «Империя» (1864 г.), что торговля с британскими колониями уже не стоит того, чтобы поддерживать их в зависимости[41]. «Я склонен думать, что, за исключением Австралии, не существует ни единого владения Короны, которое при подсчете расходов на военные нужды и протекцию не оказалось бы несомненно убыточным для жителей этой страны», – заявил во время выступления в Бирмингеме 29 октября 1858 г. лидер фритредеров Дж. Брайт[42].

Изменения в экономической политике метрополии не только отразились на состоянии колониальной торговли Великобритании. В 1850—1860-х гг. происходила переоценка всей системы британских зависимых владений. Начавшись с чисто экономических дискуссий, имперская проблематика рассматривалась в комплексе политической, военной, культурно-этической сфер. В Великобритании не существовало единого общепринятого взгляда на будущее колониальных владений. Более того, различные пути развития предусматривались для двух основных групп британских владений – переселенческих колоний, населенных в значительной мере белым населением, и коронных колоний, расположенных в странах Азии и Африки.

С одной стороны, наиболее последовательные либералы сформировали радикальное требование о прекращении колониальной экспансии, уменьшении числа зависимых от Англии территорий, максимально возможном сокращении масштабов империи, вплоть до границ Британских островов. В результате логичным курсом британской имперской политики для многих сторонников экономической либерализации являлась реализация концепции «Малой Англии». Так, многие радикальные фритредеры выступали за полное отделение

[40] Knorr K. E. British Colonial Theories, 1570–1850. Toronto: University of Toronto Press, 1944. P. 319.

[41] Schuyler R. A. Op. cit. P. 246.

[42] Bright J. Selected Speeches. London; New York: I. M. Dent, 1926. P. 208.

колоний от метрополии как за предпосылку ее процветания, поскольку идеальной формой политического устройства в духе либеральных доктрин считалось самоуправление.

Взгляды сепаратистов демонстрирует высказывание Дж. Брайта в ходе парламентской дискуссии в марте 1863 г. Он объявил, что не возражает против полного отделения Канады от империи, поскольку это будет лучшим и для нее, и для метрополии[43]. По мнению лидера либералов У. Гладстона, сохранение Канады в составе империи являлось лишь вопросом престижа, но не интересов Великобритании[44]. Заместитель министра колоний в 1860-х гг. Ф. Роджерс отрицал возможность существования общих интересов у Англии и зависимых владений и считал, что «судьбой наших колоний является независимость»[45]. Либеральный оксфордский историк Г. Смит в труде «Империя» (1864 г.) заявлял об отсутствии каких-либо предпосылок экономического, политического или социального характера для дальнейшего сохранения империи[46].

Фритредеры считали колониальные владения потенциальным источником войн и увеличения расходных статей британского бюджета. В письме основателя Лиги против «хлебных законов» Р. Кобдена Р. Гладстону, младшему брату либерального лидера, написанном в 1848 г., приводились примеры неконструктивного использования британского флота в Португалии, Италии и Аргентине. Там, по мнению радикального политика, ни в коей мере не затрагивались британские интересы. Р. Кобден признавал: «Я готов реализовывать принцип свободной торговли в наших будущих отношениях с нашими колониями. И более того. Я всегда подразумевал, что практическое применение этого принципа так упростит сам вопрос, что в дальнейшем станет невозможным продолжение разорительных расходов на колонии, которые мы до сих пор несли»[47].

Особый упор делался на необходимости предоставления полной самостоятельности переселенческим колониям. Они рассматривались как общества европейского образца, способные к самостоятельному решению собственных проблем и, главное, самостоятельной оплате своих нужд. В расчет практически не бралась реальная ситуация, в частности, в австралийских провинциях и Новой Зеландии, где поселения европейцев еще были малочисленными и во многом зависели от поддержки метрополии. Считалось, что освобожденные от опеки метрополии общества могли принести Британии гораздо больше выгоды в торгово-экономическом смысле, нежели зависимые колониальные владения. Фритредеры доказывали данный тезис, опираясь на пример Соединенных Штатов. Об этом свидетельствовали данные, приведенные либеральным политиком лордом Молесвортом в ходе его выступления в британском парламенте 25 июля 1848 г. По его сведениям, бывшие североамериканские колонии Англии после получения независимости стали одним из наиболее выгодных торговых партнеров для бывшей метрополии. В 1844 г. они закупили столько же британских товаров, сколько все ее колониальные владения вместе взятые (на сумму в 8 млн фунтов стерлингов), и приняли гораздо больше эмигрантов, чем британские переселенческие колонии. Австралийская провинция Новый Южный Уэльс существенно уменьшила заимствования из британского бюджета, получив в 1843 г. право на избрание представительных органов[48]. Закономерным стал и вывод, сделанный политиком: «Чем большую степень самоуправления имеют колонии, и чем меньше степень вмешательства в их внутренние дела со стороны министерства колоний, тем более экономно и правильно колонии

[43] Hyam R., Martin G. Op. cit. P. 96.

[44] Foundations of British Foreign Policy from Pitt (1972) to Salisbury(1902). P. 296.

[45] Schuyler R. A. Op. cit. P. 262.

[46] Там же. P. 270.

[47] Free Trade and Other Fundamental Doctrines of the Manchester School / Ed. Francis W. Hirst.Harper and Brothers. London, 1903. P. 120.

[48] Free Trade and Other Fundamental Doctrines of the ManchesterSchool. R 120.

управляются»[49]. Лорд призвал дать право на самоуправление хотя бы тем колониям, которые представили об этом прошение. Таким образом, фритредерская Великобритания, по мнению лорда Молесворта, должна была сохранить единственную форму связей со своими колониями в виде свободной торговли с ними. Независимость, в первую очередь, предполагалось предоставить таким странам, как Новая Зеландия, южная и западная провинции Австралии, Капская колония, составившим в дальнейшем ядро Британского Содружества Наций.

Лорд Молесворт подсчитал даже расходы на содержание британских колониальных владений. В своей речи в британском парламенте он отметил: «Расходы Великобритании на колонии и доходы от экспорта в них соотносятся как девять шиллингов к одному фунту. Другими словами, за каждый товар, за который наши торговцы получают в колониях фунт, нация платит девять шиллингов, в сущности, большая часть нашей торговли с колониями представляет собой товары, которые вывозятся для того, чтобы оплатить расходы на наши учреждения в колониях»[50].

Философской базой либеральных принципов невмешательства и свободы торговли было предположение о том, что максимальная выгода для общества может быть достигнута лишь путем участия его членов в свободной конкурентной борьбе, освобожденной от разного рода регулировок и ограничений. Антропоцентричная по своей природе либеральная идея объединялась с традиционным протестантским духом и постулировала надежду на собственные силы в качестве доминанты индивидуальной жизни и государственной политики. Однако многим британцам не импонировал практический подход либеральных политиков к колониальным проблемам, использование исключительно экономических критериев в оценке полезности колоний. Против тотальной экономизации колониальной проблематики выступал в конце 1860-х гг. известный публицист и историк Дж. Фруд, писавший: «Люди, которые не привыкли ценить то, что они не могут взвесить или подсчитать, вывели общую сумму расходов, которые мы несем во благо колоний, но оказались полностью неспособными определить денежный эквивалент для взаимоотношений, когда-то считавшихся столь ценными»[51]. Критикуя либеральную внешнюю политику, лидер консерваторов Б. Дизраэли заявлял в 1832 г.:

«Внешняя политика нынешнего правительства приведет к потере нашего господства над морями, уничтожению торговли, и, в конце концов, нашей страны»[52]. Рост популярности сепаратистских настроений критиковал еще в 1849 г. известный политик лорд Грей, занимавший в 1846–1852 гг. пост министра колоний. В одном из своих писем он назвал стремление избавиться от колоний «наиболее ошибочной и недальновидной политикой», которая тем не менее получила одобрение части членов палаты общин и некоторых влиятельных особ[53].

Однако следует отметить, что на позициях сепаратизма в середине XIX в. находилась лишь небольшая группа общественных и политических деятелей. Несмотря на резкую критику колониальной системы, практически никто из ведущих политических деятелей страны не выступал за ее полную и немедленную ликвидацию. Возможность получения полной независимости рассматривалась в отдаленной перспективе, когда колонии смогут сровняться с Великобританией по уровню экономического развития и количеству населения. В то же время значительная часть британских политиков и ученых выступала с позиций признания необходимости реформирования колониальной системы в соответствии с требо-

[49] Там же. P. 121.

[50] Free Trade and Other Fundamental Doctrines of the ManchesterSchool. R 126.

[51] Grierson Ed. Op. cit. P. 74.

[52] The Radical Tory: Disraeli's Political Development. London: Murray,1937. P. 187.

[53] Schuyler R. A. Op. cit. P. 239.

ваниями времени. Несмотря на распространение свободной торговли, империя продолжала сохранять в глазах современников ряд преимуществ экономического характера: позволяла расширить число зарубежных рынков, гарантировала существование хоть и незначительного, но постоянного числа покупателей в лице англо-саксонских поселенцев. Наконец, в ближайшем будущем члены «белой империи» могли составить обширную зону свободной торговли.

Существовал ряд теорий, в которых выстраивалась идеальная модель взаимоотношений Великобритании с зависимыми владениями. Так, значительное распространение в первой половине XIX в. получили взгляды колониальных реформаторов во главе с Э. Уэйкфилдом, английским экономистом и политическим деятелем, выдвинувшим теорию так называемой «систематической колонизации». В своих трудах Уэйкфилд отмечал, что быстрому развитию Великобритании препятствуют избыток капитала и рабочей силы. Логичным выводом представлялось стимулирование эмиграции из метрополии в ее колониальные владения. Также предлагалось повысить стоимость земли в колониальных владениях – увеличение средств в колониях стимулировало бы их развитие, британский капитал нашел новое применение, а высокая цена на землю создала бы значительную прослойку наемных тружеников для ее возделывания[54].

Широкий общественный резонанс данному проекту обеспечила попытка реализовать его на практике. 12 мая 1837 г. Уэйкфилд учредил Новозеландскую ассоциацию для организации массового переселения на остров. Позиция Уэйкфилда в отношении британских антиподов отличалась новизной, ведь ранее Австралия заселялась в основном ссыльными каторжниками. Тысячам людей был предоставлен бесплатный проезд, чтобы обеспечить рабочей силой обработку земли состоятельных владельцев. 4 января 1840 г. в Веллингтоне высадилась группа представителей ассоциации, а 22 января прибыли первые поселенцы. Поселения были основаны в районах Веллингтона и Нью-Плимута (1840 г.), Уангануи и Нельсона (1841 г.). Немного позже возникли поселения дочерних компаний, ассоциации Отаго – в Данидине (1848 г.) и ассоциации Кентербери – в Крайстчерче (1850 г.), носившие характер религиозных общин.

Британских официальных лиц беспокоила претензия сторонников Уэйкфилда на монопольное владение новозеландскими землями. Поэтому спустя неделю после прибытия первых иммигрантов в 1840 г. капитан У. Гобсон, представитель британской короны, высадился в Новой Зеландии и начал переговоры с вождями маори о заключении договора. В результате переговоров 6 февраля 1840 г. был заключен договор, в соответствии с которым маори признали верховную власть королевы Виктории, получив от нее обещание защиты и подтверждение прав собственности на их земли. 21 мая 1840 г. Гобсон официально провозгласил британский суверенитет над Новой Зеландией, которая объявлялась территорией, зависимой от Нового Южного Уэльса.

Проект Уэйкфилда был реализован только в австралийских провинциях Виктория и Южная Австралия, а также в Новой Зеландии. Ряд поселений, основанных ассоциацией Уэйкфилда и ее дочерними компаниями, заложили основу для колонизации южных владений Британской империи. Однако еще больший поток эмигрантов был привлечен в Австралию открытием месторождения золота в этой стране. Что касается Канады и Южной Африки, то в этих переселенческих колониях схема Уэйкфилда не применялась вообще.

Проблемы развития колоний рассматривал авторитетнейший экономист Великобритании первой половины XIX в., теоретик либерализма Д. С. Милль. В своем фундаментальном труде «Принципы политической экономии» (1848 г.) Милль рассмотрел экономические

[54] Wakefield A View of the Art of Colonization,With Present Reference to the British Empire; In Letters Between a Statesman and a Colonist. Kitchener: Batoche Books, 2001. P. 100–120.

выгоды, которые может получить Англия от зависимых владений. Для либерального экономиста колонии представлялись, в русле идей Уэйкфилда, как места возможного расселения избыточного населения Британских островов. «Вывоз рабочей силы и капитала из старых стран в новые, из мест, где их продуктивная сила низка туда, где она повышается, во много раз увеличивает совокупную продукцию рабочей силы и капитала всего мира», – отмечал ученый[55]. Однако важнейшим принципом, на которым настаивал Милль, являлось государственное проведение процесса колонизации, эмиграция, оплачиваемая и обеспечиваемая за счет правительственных средств с целью достижения ее максимальной эффективности. В таком аспекте, как утверждал Д. С. Милль, «не должно существовать колебаний относительно признания того, что колонизация, в современных условиях, является лучшим деловым предприятием, в котором мог бы принять участие капитал старой и богатой страны»[56]. Таким образом, полезность колониальные владения представляли и как место вложения избыточного капитала промышленной Великобритании. Такой подход перекликается с концепциями империализма, предложенными в конце XIX – начале XX в. Д. Гобсоном и В. И. Лениным.

На основе различных предложений о реформировании внутриимперских отношений в метрополии формулировались различные практические схемы изменений во внутриимперских отношениях. Так, в 1865 г. лорд Генри Тринг, советник министерства внутренних дел, разработал проект развития взаимоотношений между колонистами и метрополией на различных стадиях. По мнению автора, на начальном этапе колонисты, заселяющие на свой страх и риск неосвоенные территории, должны сохранять теснейшие связи с метрополией и признавать ее право на распоряжение делами колонистов. Передача колонистам права на представительное правление являлась лишь промежуточным этапом на пути получения ими полной независимости. Предусматривалось сохранение полномочий короны преимущественно в сфере экономики. После получения независимости колонии не имели права отказываться от каких-либо заключенных ранее контрактов; колонии не имели права вводить дифференцированные тарифы на товары из британских владений; колонии не должны были предоставлять иностранным подданным права, которых еще не имели британские подданные[57].

Мнение о необходимости изменений экономических принципов существования «белой империи» поддерживала большая часть политической элиты страны. Деятельность британских кабинетов в середине XIX в. отличал прагматический подход. Либеральную идею империи и основные направления колониальной политики наиболее точно выразил в своей программной речи в палате общин 8 февраля 1850 г. премьер-министр вигского правительства лорд Дж. Рассел. Он призвал передать переселенческим колониям, насколько это возможно, право «управлять своими собственными делами», позволить им увеличивать свое богатство и население, чтобы «внести свой вклад в благополучие мира»[58].

Разграничение между проблемами колониальными и собственно английскими, стремление к максимальному расширению самостоятельности колоний, выраженные в речи премьер-министра, на практике часто выливалось в предоставление колониям довольно значительных прав и преимуществ. Англия не остановила даже постепенное введение Канадой, Новой Зеландией и австралийскими колониями протекционистских таможенных пошлин на ввозимую продукцию, хотя они распространялись и на британские товары. Рынки малонаселенных и относительно слаборазвитых стран «белой империи» не могли представлять

[55] Mill I. S. Principles of Political Economy / Ed. J. Laurence Laughlin. New York: D. Appleton & Co, 1891. P. 540–560.

[56] Mill J. S. Principles of Political Economy / Ed. I. Laurence Laughlin. New York: D. Appleton & Co, 1891. P. 540.

[57] Schuyler R. A. Op. cit. P. 248–249.

[58] Schuyler R. A. Op. cit. P. 237.

значительной экономической привлекательности в эпоху безраздельной гегемонии Англии в мировой торговле. Тем не менее следует отметить, что уже в этот период метрополия была связана с данными рынками поставками сырья и продовольствия. Еще большее значение имело быстрое развитие финансовых операций. Около половины всего инвестированного за границу в 1850—1860-х гг. британского капитала уходило в колонии. В 1869 г. «Банковский журнал» признавал исключительную привлекательность англо-саксонских ценных бумаг, которые «растут в цене одновременно с прогрессом колоний, являются надежными как гранитные скалы, которые лежат в основании земли, не подверженные опасности революций»[59].

Таким образом, период 1850—1860-х гг. можно определить как время господства либеральных принципов и схем в рассмотрении перспектив и путей экономического развития Британской империи. Своеобразное преимущество, полученное Англией как наиболее промышленно развитой страны мира, обусловило отсутствие интереса к совершенствованию и укреплению внутриимперских экономических связей. Формирование имперской идеи в ее экономической составляющей в этот период проходило под определяющим влиянием представителей либерального течения политической мысли.

В имперской идее последней трети XIX в. колониям придается совершенно новое значение для экономики Великобритании. В этот период Англия, как и другие индустриально развитые страны, заново открыла для себя безграничные возможности и перспективы, заложенные в азиатских и африканских странах. В задачи данного исследования не входит определение реальной экономической выгоды, извлекавшейся англичанами из зависимых владений. Жители викторианской Англии могли владеть ограниченной или искаженной информацией о странах, входивших в состав империи, проявлять неоправданный оптимизм или излишний скептицизм в вопросах о возможности их экономической эксплуатации и развития. Тем не менее в теоретических построениях последних десятилетий XIX в. в имперской идее будущее Великобритании начинает тесным образом связываться с периферией цивилизованного мира.

В это время на имперскую идею и политику начинают оказывать воздействие разнообразные факторы. Прежде всего, к этому времени экспедициями Д. Ливингстона, Г. Стэнли и других исследователей для европейцев были открыты неведомые ранее территории Африки. Улучшение средств коммуникации и развитие железнодорожного строительства позволяло перейти к контролю не только над прибрежными и островными районами Азии и Африки, которые и составляли большую часть британских владений в середине XIX в., но и закрепиться на хинтерландах, внутренних территориях. Таким образом, наука сыграла значительную роль в изменении представлений англичан об окружавшем их мире, а новые технологии облегчили его завоевание.

Появившимся возможностям поиска и открытия новых земель соответствовал и мощный стимул, ускоривший этот процесс. Казалось, что более активная колониальная политика позволит решить актуальные экономические проблемы индустриального общества. Такая перемена в значительной степени связана с тем, что во второй половине 1870-х гг. усиливались негативные тенденции в экономическом развитии Англии, знаменуя начало кризисного для английской экономики этапа. У современников экономическая ситуация 1873–1896 гг. получила название «Великая Депрессия». Этот период в экономическом плане характеризовался перманентным кризисом в сельском хозяйстве, замедлением темпов роста в некоторых отраслях промышленности, падением цен на промышленные товары, ростом безра-

[59] The Cambridge History of the British Empire: In 8 vol. Cambridge: University Press, 1929–1943. Vol. 2: Growth of the New Empire. P. 788.

ботицы[60]. Несомненно, из-за резкого контраста с периодом бурного экономического роста, отмечавшегося в 1850—1860-х гг., такая ситуация оказалась одним из важнейших факторов, повлиявших на рассеивание атмосферы процветания и ослабление позиций либеральных идей в обществе.

Непривычная для викторианской Англии ситуация наблюдалась и в международной торговле. «Мастерская мира», которая в силу своего передового промышленного развития традиционно снабжала своими изделиями европейские страны, начала вытесняться с привычных рынков при помощи протекционистских тарифов. США, а за ними Франция и Германия решительно продемонстрировали, что приоритетом их экономической политики является развитие национальных экономик и отказались от принятия политики свободной торговли. Вместе с тем значение внешней торговли для Англии в последней трети XIX в. продолжало возрастать. Продолжался процесс индустриализации, в результате промышленность страны, в основном ориентированная на экспорт, требовала постоянных поставок сырья и обширных рынков сбыта готовой продукции. В Англии продолжалось увеличение объемов промышленной продукции, хоть и не такими быстрыми темпами, как в Германии и США. В результате с 1870-х гг. начинает возрастать отрицательный баланс во внешней торговле. В 1875 г. импорт превышал британский экспорт на 92 млн фунтов стерлингов, в 1880 г. – уже на 125 млн фунтов стерлингов. В последние десятилетия XIX в. в силу ряда внутренних и внешних причин Англия постепенно утрачивала свою торгово-промышленную монополию и исключительное положение в мировой экономической системе.

На повестке дня в стране стояла проблема рынков, гарантировавших бесперебойное снабжение промышленности страны сырьем и материалами и поглощение излишков промышленной продукции в периоды перепроизводства. Таможенная политика, охранявшая рынки европейских стран, заставляла обратить внимание на неразработанные до сих пор возможности рынков Азии и Африки. В 1880 г. ведущая лондонская газета «Таймс» писала: «Земля обширна. Потеря европейского покупателя замещается, все в большей и большей степени, новым спросом из более отдаленных регионов»[61].

Изменению отношения к роли империи в жизни Великобритании в последней трети XIX в. в значительной мере способствовало и появление новых подходов к определению роли государства в экономической деятельности его субъектов. В 1850—1860-х гг. доктрина свободной торговли отводила государству минимальную роль в регулировании частной предпринимательской деятельности. По мере развития конкуренции со стороны Европы и США, повсеместного введения протекционизма, растущих вызовов позиции Англии как передовой индустриальной страны мира, переоценивался потенциал государства, который можно было бы направить на поддержку индивидуального предпринимателя. Появляется идея о том, что «сила государства может и должна быть использована за пределами государства в экономических целях членов этого государства»[62]. Иными словами, предприниматели, представлявшие Британию в различных коронных колониях и нейтральных странах, иногда были не в состоянии выдержать конкуренцию представителей французских или германских деловых кругов, за которыми явно или скрыто стояло государство. Известный журналист Ф. Гринвуд отмечал: «Новые рынки – это постоянный лозунг капитанов нашей промышленности и торговых принцев, и хорошо, что правительство прислушивается к подобным требованиям»[63].

---

[60] Хобсбаум Э. Век Империй 1875–1914. Ростов н/Д: Феникс, 1999. С. 53.

[61] The Week // The Times. 1880. 25 Oct. P. 1.

[62] Woolf L. Empire and Commerce in Africa. London: Allen & Unwin, s.d. P. 10.

[63] Uzoigwe G. N. Britain and the Conquest of Africa 1862–1902. Ann Arbor: University of Michigan press, 1974. P. 25.

Коммерческие интересы британских подданных в азиатских и африканских странах неукоснительно соблюдались как в 1850—1860-х гг., так и в последние десятилетия XIX в. Известно, что британское правительство в 1856 г. начало войну с Китаем, стремясь обеспечить беспрепятственный доступ индийского опиума на рынки страны. Отказ Турции от выплат по внешнему долгу рассматривался лидером либеральной партии У. Гладстоном как «величайшее из политических преступлений», которое должно было караться адекватными методами[64]. Действия британского правительства во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. были направлены не в последнюю очередь на соблюдение английских экономических интересов на Востоке. «Капитал никогда не будет инвестироваться свободно, если в стране существует возможность возникновения войны в ближайшем будущем», – так оценивал премьер-министр Англии и лидер консервативной партии Б. Дизраэли итоги урегулирования кризиса на Балканах и в Турции во второй половине 1870-х гг.[65]

В последней трети XIX в. активная защита интересов британских деловых кругов превратилась в одну из первоочередных функций правительства, что ярко продемонстрировала политика Великобритании по отношению к Египту. Либеральное правительство У. Гладстона пришло к власти в 1880 г. под лозунгом «дешевая внешняя политика»[66]. Однако банкротство египетского правительства, национальное восстание в Александрии были однозначно восприняты либеральным правительством как непосредственная угроза британским капиталовложениям в стране. Бомбардировкой Александрии и оккупацией Египта правительство Гладстона доказало общественности готовность защищать экономические интересы Англии и ее граждан любыми средствами. Символом перемен стала отставка из кабинета одного из наиболее авторитетных фритредеров Дж. Брайта. Ведь фактически при захвате одного из важнейших в стратегическом и экономическом значении государств Африки Англия действовала в значительной мере в целях охраны интересов держателей египетских акций и всех предпринимателей, заинтересованных в контроле над Суэцким каналом.

Захват Египта в 1882 г. наряду с соображениями политического и стратегического характера был вызван в значительной степени и экономическими причинами. Однако при этом проявилась одна из характерных особенностей британской имперской политики – стремление завуалировать экономические цели политической, этической, религиозной или любой иной риторикой. В середине 1880-х гг., да и в более позднее время, в обстановке борьбы за раздел мира открытая демонстрация коммерческих интересов и стремлений не приветствовалась. Еще в 1877 г. на страницах журнала «Девятнадцатое столетие» известный политолог профессор Е. Дайси заявлял о том, что интересы бизнеса требуют оккупации Египта, что это будут приветствовать держатели акций в Великобритании, и египетские крестьяне-феллахи[67]. Однако в официальной версии данных событий акценты были смещены. Согласно высказыванию лорда Кромера, первого вице-короля Египта, британская оккупация являлась необходимой для страны, в которой «армия взбунтовалась, казначейство обанкротилось, все ветви власти находились в состоянии коллапса»[68].

Однако необходимо отметить, что непосредственное выступление государства в защиту интересов своих граждан, сопровождаемое аннексиями, войнами и дипломатическими столкновениями с другими европейскими странами, как было в случае с Египтом,

---

[64] Foundations of British Foreign Policy from Pitt (1972) to Salisbury(1902). P. 417.

[65] Speech by Lord Beaconsfleld in the House of Lords, 18 July 1878 // Hansard's Parliamentary Debates. Ser. 3rd. London, 1878. Vol. CCXLI. Col. 1771.

[66] English Historical Documents. Vol. 12. P. 99.

[67] Gladstone W. E. Gleanings of Past Years 1843–1878. London: JohnMurray, 1879. P. 292.

[68] The Earl of Cromer. Modern Egypt. New York: Macmillan, 1908.Vol. 1. P. XVII.

считалось в Великобритании нежелательным вариантом развития событий. Большей части британских государственных деятелей импонировала схема постепенного подчинения слаборазвитых стран. Стремление сочетать расширение Британской империи с экономией государственных расходов, избегать нападок оппозиции в стране и протестов из-за рубежа в случае военных операций привели к распространению системы привилегированных компаний, получавших права на разработку ресурсов и управление африканскими территориями. В атмосфере активизировавшейся после Берлинской конференции 1884–1885 гг. «схватки за Африку» именно компании стали средством для проведения не только «бумажной», но и «эффективной» оккупации стран континента.

Роль привилегированных компаний в развитии Британской империи своеобразно отражалась в имперской идее. Официально компании считались частными предприятиями, однако многочисленные примеры свидетельствовали об оказании им прямой материальной и военной помощи со стороны государства, так как их целью было обеспечение имперских интересов Великобритании. В частности, на Британскую восточноафриканскую компанию возлагалась задача установления линии британских коммуникаций от Капской колонии до Нила[69]. Тем не менее подчеркивалось невмешательство государственных чиновников в дела компаний. Это позволяло подтвердить основной аргумент в пользу их существования: государство и непосредственно налогоплательщики не несут бремени финансовых затрат на сохранение и развитие новых земель. Как отмечал современник описываемых событий британский историк Х. Эджертон, британское казначейство никогда не предоставило бы тех сумм, которые были необходимы для развития подконтрольных стран[70]. Однако, в свою очередь, государственное одобрение деятельности компаний гарантировало им приток капиталов и увеличение числа акционеров.

Следует отметить, что сами представители компаний стремились распространить мнение о великой гуманитарной миссии, которую несут компании в отсталых странах. Во всех хартиях, дававшихся компаниям, присутствовало требование «хорошего управления» и развития подконтрольных территорий. В обязанность Британской компании Южной Африки вменялась забота о коренном населении, сохранение мира и порядка, уважения местных законов и верований[71]. Целью их основания называлось «продвижение цивилизации в Африке»[72]. Нельзя отрицать, что на протяжении последней трети XIX в. компании неоднократно попадали в центр общественного внимания благодаря отнюдь не филантропическим мероприятиям: локальным войнам, карательным операциям. Однако не всегда точная информация с мест, а также укрепившийся вокруг компаний ореол проводников «национальной» политики осложняли критику противников системы в целом и коммерческих конкурентов в частности[73]. Почетная миссия привилегированных компаний по развитию торговли и цивилизации стала неотъемлемой частью имперской идеи в последние десятилетия XIX в.

По мере нарастания кризисных явлений в британской экономике открытие новых рынков и использование потенциала «зависимой империи» для решения экономических проблем становятся первоочередными задачами имперской политики. Выступления политических и общественных деятелей, художественные и публицистические произведения конца XIX в. демонстрируют убежденность англичан в том, что британские колонии являются источником богатства для метрополии. Так, ценность Восточной Африки заключалась как в природном богатстве, так и в довольно благоприятном климате. «Таймс» писала:

---

[69] Imperial British East Africa Company // The Times. 1889. 24 May. P. 15.

[70] Egerton H. E. A. Op. cit. P. 470.

[71] The Aborigines Protection Society // The Times. 1891. 22 May. P. 19.

[72] Uzoigwe G. N. Op. cit. P. 41.

[73] Lome. Chartered Companies // The Nineteenth Century. 1896.№ 227. P. 378.

«Наши путешественники сообщают, что регион дает перспективы для быстрого развития и пригоден для расселения европейцев»[74]. Экономическое значение Южной Африки было переоценено в последние десятилетия XIX в. В этот период открытие золотых рудников Ранда привлекло к южноафриканским республикам внимание британских предпринимателей, настаивавших на установлении жесткого контроля Великобритании над регионом[75]. Многообещающим в экономическом плане представлялась и Юго-Восточная Азия. В журнале «Девятнадцатое столетие» отмечалось: «Внимание наших исследователей, дипломатов, торговцев сейчас приковано к населенному и плодородному региону Юго-Восточной Азии, где открываются новые рынки для конкуренции между Англией и Францией»[76]. Высоко котировались и рынки Китая. Эта страна, с ее многочисленным населением и богатыми природными ресурсами, имела, по мнению британцев, блестящие перспективы для развития торговли[77]. Таким образом, каждый регион Азии и Африки приобретал в глазах викторианцев определенные немаловажные преимущества. Необходимость экспансии среди «нецивилизованных» народов практически не вызывала сомнений у представителей различных политических течений. Как отмечал видный колониальный администратор лорд Лугард, чтобы благоприятствовать росту торговли страны и найти место приложения для излишков промышленности и избыточного населения страны «наиболее дальновидные государственные деятели и предприниматели проповедуют колониальную экспансию»[78]. Таким образом, в Великобритании, как и во многих континентальных державах, увеличивается число сторонников новой политики, предусматривавшей развитие торговли и увеличения благосостояния страны за счет силового открытия новых рынков и завоевания новых покупателей.

Традиционно распространение английской власти на «нецивилизованные» страны представлялось как альтруистическая политика приобщения отсталых обществ к передовой культуре. По мнению современников, Британия представляла собой образец прогресса в политической, экономической сферах и была призвана передавать свой опыт другим. Согласно теории ведущего британского социолога конца XIX в. Б. Кидда, западные нации должны были занимать господствующее положение как благодаря «расовому преобладанию», так и из-за достигнутой степени «социальной эффективности»[79]. Следовательно, англичанам присваивалось не только моральное призвание, но и право на перестройку иных обществ, на извлечение природных богатств, которыми последние воспользоваться не в состоянии. Рассуждая о будущем Британской Индии, известный журналист М. Таунсенд весьма скептически оценивал способность индийцев к прогрессу. На его взгляд, жители Индии «за три тысячи лет не достигли ни одной победы над природой, не подняли науку на более высокий уровень, не разработали новую, способную давать результаты социальную идею, не усовершенствовали стиль жизни»[80]. Безусловная вера европейцев в силу прогресса, в способность западных рас привить туземцам совершенно новые ценности и систему социальных отношений нередко вызывала ломку традиционных, сложившихся за века, укладов обществ Азии и Африки.

На самом высшем уровне ведущие государственные деятели последней трети XIX в., члены как консервативных, так и либеральных правительств внесли свой вклад в процесс переоценки роли коронных колоний и зависимых территорий в экономическом процветании

---

[74] England and East Africa // The Times. 1888. 6 Jan. P. 17.

[75] Dicey E. British Suzerainty in the Transvaal // The Nineteenth Century. 1897. № 248. P. 670.

[76] Lyall A. India under Queen Victoria // The Nineteenth Century. 1897.№ 244. P. 873.

[77] British Documents on the Origins of the War. Vol. 1. P. 8.

[78] Woolf L. Op. cit. R 26.

[79] Kidd B. Social Evolution. London: Macmillan & Co, 1898. P. 279.

[80] Townsend M. Asia and Europe. New York: G. T. Putham's Sons; London: A. Constable & Co Ltd., 1901. P. 95.

страны. В своих выступлениях лидеры британской нации санкционировали активную разработку экономических потенциалов «зависимой империи». Практически вне зависимости от реальной полезности британских владений в Азии и Африке на эту часть империи возлагались значительные надежды. Подобные взгляды четко выразил обозреватель ведущей британской газеты: «Какой бы ни была торговая и экономическая ценность Центральной Африки, мы не можем, имея столько много энергичных конкурентов, отказываться от владения любой страной, которая может представить новое поле для коммерческих предприятий»[81]. В кризисные 1880—1890-е гг. империя начинает восприниматься как своеобразный спасательный круг, необходимый Британии для того, чтобы уцелеть в бурном море экономической конкуренции. Этот мотив слышен во многих выступлениях лорда Солсбери, лидера консервативной партии с 1880 г. В своей речи в Брэдфорде в мае 1896 г. он объявил о том, что правительство должно принять на себя новую ответственность по открытию рынков среди «полуцивилизованных наций», что жизненно необходимо для промышленности страны[82]. В идеологии консервативной партии интересы торговли, открытие новых рынков и защита старых становились приоритетными направлениями деятельности государственных учреждений, с успехом реализовывались консервативными правительствами. Отметалась сама возможность существования перенаселенных Британских островов, хотя бы на день отрезанных от зависимых территорий[83].

Следует отметить, что, несмотря на крайне незначительное число реально эмигрировавших в страны Азии и Африки англичан, требование о расширении поля для эмиграции было постоянным. Еще в феврале 1870 г. королеве Виктории была подана петиция 100 тыс. английских рабочих. Согласно тексту петиции рабочие были обеспокоены тем, что королеве «советуют отказаться от колоний, имеющих миллионы акров земли, которые могли бы быть использованы с прибылью и для колоний, и для нас самих, как область для эмиграции»[84]. О необходимости спонсируемой государством экспансии ратовал специальный комитет по колонизации, работавший в конце 1880-х гг.[85] Правда, уже некоторые современники отмечали невозможность основывать постоянные поселения европейцев на большей части приобретенных территории из-за особенностей местного климата[86]. Либеральный ученый, автор классического труда «Империализм», Дж. Гобсон в своем критическом исследовании отмечал, что практически ни на одной из имперских территорий, приобретенных с 1870 г., не образовалось значительного английского поселения, и «весьма сомнительно, чтобы подобные поселения могли возникнуть»[87]. Однако нельзя не признать значение идеи обеспечения возможностей для эмиграции в имперской идеологии.

На изменение общественного мнения в отношении к колониальным владениям страны значительное влияние оказала мировая экономическая ситуация последней трети XIX в. Одной из ее особенностей оказалось стремление промышленных лидеров государств обеспечить себя надежными рынками. В середине XIX в. Англия обладала передовой промышленностью и самым большим флотом, получив, таким образом, карт-бланш на колониальные захваты. В последней трети XIX в. стал очевидным растущий интерес европейских держав к независимым и даже находившимся в сфере британского контроля территориям. Английское общество узнавало об угрозе иностранной конкуренции из огромного количества памфлетов

[81] British Zambezia // The Times. 1889. 18 Oct. P. 7.

[82] Uzoigwe G. N. Op. cit. P. 26.

[83] English Historical Documents. Vol. 12. P. 107.

[84] Schuyler R.A. Op. cit. R 281.

[85] State Colonization // The Times. 1888. 13 July. P. 15.

[86] Stanley H. M. In Darkest Africa: In 2 vol. London: S. Low, 1890. Vol. 1.

[87] Гобсон Д. Империализм. Л.: Прибой, 1927. С. 55.

с грозными названиями, например, «Как нас бьют на международных рынках», «Падение нашей промышленности», «Конкуренция иностранцев», «Отступление по всей линии»[88]. На смену космополитизму свободной торговли в Англии приходит новый принцип: торговля следует за флагом. Лучшим способом для расширения торговли начинает считаться расширение территориальных границ. Ведь европейские страны предпочли пойти по пути колониальных захватов, в которых преуспела Англия, отвергнув предложенную фритредерами схему свободных экономических отношений.

Конкуренция европейских держав и необходимость предпринимать ответные меры во благо процветания Англии и всей империи нашли свое отражение в имперской идее и стали сильнейшим стимулом к проведению активной колониальной политики. Особенно настораживал деловые британские круги бурный экономический рост Германской империи, а также поддержка немецких экспансионистов со стороны правительства. Королевская комиссия по изучению причин упадка британской торговли и промышленности (1886 г.) одной из наиболее значительных причин кризиса назвала германскую конкуренцию. В заключительном отчете комиссии говорилось: «В каждой части земного шара ощущается настойчивость и предприимчивость немцев»[89]. В этот период приобретение одной страной новых территорий начинает рассматриваться как ущерб или угроза для другой, провоцирование конфликтов и приближение вероятности войны. Общественная тревога подогревалась экспансионистскими речами и пессимистическими прогнозами о судьбе страны. «Каждая миля территории и каждый возможный покупатель, захваченные нашими конкурентами, потеряны для нас», – предупреждали сторонники имперской экспансии[90].

Следует отметить, что вступление англичан в «схватку за Африку», активные поиски новых рынков и территориальные захваты по возможности преподносились общественному мнению как стремление Англии сохранить систему «открытых дверей» в слаборазвитых странах, равные возможности для предпринимателей всех стран. При помощи официальной экономической доктрины активная колониальная политика трактовалась как попытка сохранить и по возможности расширить сферу свободной торговли. В английском обществе существовало опасение, подкреплявшееся фактами, что протекционистские державы не замедлят распространить свою тарифную политику и на захваченные территории. Этим будет фактически закрыт доступ Великобритании к значительной части мировых рынков. Именно необходимость сохранить систему «открытых дверей», как гласила официальная версия, заставила британских политиков забыть о решении не расширять границы империи на тропические районы Африки[91]. В этом аспекте весьма интересным является замечание, сделанное премьер-министром лордом Солсбери французскому послу в 1897 г.: «Если бы вы не были такими упорными протекционистами, то и мы бы не стремились аннексировать территории»[92]. Стремление Солсбери придерживаться традиционной практики экономического проникновения прослеживается во многих его высказываниях. Анализируя территориальный спор, возникший между Великобританией и Францией вокруг Западной Африки в 1898 г., премьер-министр отмечал: «Нашей целью является не территория, а возможности для торговли»[93]. Солсбери был готов пойти на уступки французам, если те, в свою очередь, обеспечат привилегии для британской торговли в регионе. Подобную мысль выразил известный колониальный администратор Г. Джонстон во время лекции в Колониальном институте.

---

[88] Дионео. Очерки современной Англии. СПб.: Русское богатство,1903. С. 46.

[89] Knowles L. C. A. The Industrial and Commercial Revolutions in Great Britain during the Nineteenth Century. London; New York: George Routlege & Co, 1921. P. 146.

[90] Hallett H. S. The Partition of China // The Nineteenth Century. 1898.№ 251. P. 164.

[91] Knowles L. C. A. Op. cit. P. 322.

[92] Хобсбаум Э. Указ. соч. С. 98.

[93] British Documents on the Origins of the War. Yol. 1. P. 139.

Он заявил, что «если бы свободная торговля являлась общим принципом для всех наций мира, то нашим торговцам было бы безразлично, какая из великих держав контролирует новые рынки для нашей коммерции»[94].

Необходимо отметить и огромное влияние, которое оказывали сведения о реальных или, скорее всего, предполагаемых, богатствах неизведанных стран на взгляды британцев конца XIX в. Художественные и публицистические произведения, заметки путешественников, а то и простые выдумки будоражили воображение более чем статистические выкладки парламентских комиссий или экономические труды. Например, произведение Р. Хаггарда «Копи царя Соломона» (1885 г.) давало вполне определенный и довольно привлекательный образ тропической Южной Африки. Отправляясь на захват земель в междуречье Замбези и Лимпопо, британские искатели верили, что эти земли богаты золотом, что именно там находится таинственная страна Офир[95]. Один из наиболее известных путешественников своего времени Генри Мортон Стэнли в путевых заметках постоянно подчеркивал огромный экономический потенциал, заложенный на африканском континенте. Он писал: «Каждая новая черта роскошной природы все более доказывала, что тут давно пора приложить труд и помощь цивилизации, что, прежде всего, надо построить железные дороги…»[96]

Наряду с миссионерами, солдатами в ранг «первопроходцев» Британской империи заносились и деловые люди, предприниматели. Ярким примером бизнесмена нового поколения, сделавшего состояние в южноафриканских колониях, стал Сесил Родс, мультимиллионер к 35 годам. Глава алмазной монополии «Де Бирс» и привилегированной южноафриканской компании, он занимался и активной политической деятельностью. Всего же Родс, «герой империи», как назвал его лорд Солсбери, расширил территорию империи на многие тысячи миль[97].

Государственные деятели, такие как лорд Солсбери и иные сторонники «мирного проникновения», придавали большое значение деятельности британских предпринимателей, инженеров, врачей и миссионеров в колониях. Солсбери заявлял: «Однажды получив неограниченное право доступа, через несколько лет вы будете править, даже не обнажив меча»[98]. Идеи мирного проникновения отстаивали и политики, оставшиеся верными принципам невмешательства и свободной торговли. Так, экономист-фритредер Дж. Армитаж-Смит утверждал, что в конкуренции на нейтральных рынках Великобритания должна в первую очередь полагаться на деловые способности, мастерство и энергию своих граждан[99]. Беспокойство за сохранение лидирующей позиции Великобритании на мировых рынках должно было заставить промышленников быть более энергичными, готовыми к постоянному усовершенствованию и внедрению новых процессов, более предприимчивыми.

Таким образом, на протяжении последней трети XIX в., в новых для Англии обстоятельствах затяжного экономического кризиса активизируется как экспансия, так и разработка новых и имеющихся территорий Азии и Африки. Закрепляется и приобретает все большее распространение идея о крайней экономической полезности колоний для процветания метрополии.

В последней трети XIX в. произошли значительные изменения и в системе взглядов англичан на роль и место самоуправляющихся колоний в системе Британской империи. Особенности социально-экономического развития Англии и колоний, перемены в расста-

---

[94] Development of British West Africa // The Times. 1889. 18 Jan. P. 9.

[95] British Zambezia // The Times. 1889. 8 Nov. P. 9.

[96] Stanley H. M. Op. cit. Vol. 1. P. 230.

[97] Давидсон А. Б. Сесил Родс – строитель империи. М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1998. С. 249.

[98] Uzoigwe G. N. Op. cit. P. 16.

[99] Armitage-Smith G. The Free Trade Movement. London, 1903. P. 241.

новке сил на мировой арене, новые тенденции в международных экономических отношениях нашли свое отражение в имперской идее. Весь XIX в. продолжались дискуссии вокруг экономических преимуществ, получаемых Англией от колониальных владений, и путей развития экономических отношений в рамках «белой империи». Новой тенденцией, отличавшей имперскую идеологию в последней трети XIX в. от предшествующего периода, стало постепенное, но неуклонное повышение оценок экономической полезности самоуправляющихся колоний.

Идея о развитии экономических связей между Великобританией и ее самоуправляющимися колониями была сформирована в качестве одного из путей преодоления кризисных явлений в метрополии. Следует отметить, что к началу 1880-х гг. некоторые переселенческие колонии уже довольно далеко продвинулись по пути экономического развития. При активной поддержке государства в Канаде, Новой Зеландии, австралийских провинциях развивалось сельское хозяйство, добывающая и перерабатывающая промышленность. Переселенческие колонии и Вест-Индия начали поставлять в Англию необходимое ей продовольствие в достаточно больших количествах. Усовершенствование парового двигателя и проведение в колониях железных дорог ускорило и удешевило процесс перевозки, а телеграфные линии – передачи информации. Таким образом, в последние десятилетия XIX в. самоуправляющиеся колонии уже мало напоминали бремя для финансов метрополии. Такая ситуация способствовала переоценке перспектив сотрудничества метрополии и колоний в экономической сфере.

Своеобразным толчком к распространению первых экономических концепций протекционистского характера в Великобритании стал кризис 1878–1879 гг. По своей продолжительности, размерам и интенсивности этот кризис был самым тяжелым из всех, которые до сих пор ей пришлось пережить. К тому же он совпал по времени с очередным повышением пошлин в ряде протекционистских государств – Франции, США. В это время впервые под сомнение была поставлена доктрина свободной торговли. Постепенно начинает возрастать популярность новых принципов: расширения участия государства в регулировании экономической сферы, преодоления кризисных явлений в торговле и промышленности за счет проведения протекционистской политики, более широкого использования потенциала Британской империи.

Вопрос об изменениях в экономической политике страны с особой остротой встал в 1879 г., когда в результате неурожаев и увеличения импорта пшеницы сельское хозяйство Великобритании очутилось в крайне тяжелом положении. Тщательно избегая термина «протекционизм», представители фермеров и некоторые из членов парламента начали агитацию за «свободную и справедливую» торговлю. По мнению сторонников «справедливой торговли», она была призвана защитить экономику страны от конкуренции европейских государств и США, отнюдь не спешивших присоединиться к свободному рынку[100].

Символом меняющихся настроений стало учреждение в мае 1881 г. Национальной Лиги справедливой торговли. Программа Лиги включала 2 ключевых момента: концепцию «возмездия» в отношении иностранной торговли и новую экономическую политику для империи. С одной стороны, на иностранные товары предлагалось ввести пошлины. Однако пошлины должны были распределяться избирательно – выступать в качестве «возмездия» тем государствам, которые поддерживали протекционистские барьеры против Англии[101]. С другой стороны, продукция из колоний должна была допускаться в страну беспошлинно. Более того, подчеркивалась необходимость стимулировать экономическое развитие самоуправляющихся колоний, обеспечив приток капиталов, квалифицированной рабочей силы

[100] English History // The Annual Register. 1878. R 81–82.

[101] Farrer T. H. The State in Its Relation to Trade. London: Macmillan,1883. P. 133–134.

и помощь в развитии промышленности. Согласно мнению современного экономиста лорда Фаррера, Лига предлагала «великую национальную политику», направленную на то, чтобы улучшить отношения между Великобританией и «нашими великими, говорящими по-английски и пользующимися самоуправлением колониями»[102].

[102] Лавровский В. Английский капитализм во второй половине XIX века. М.: Госиздат, б. г. С. 109.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.